

А Р Х И В Ъ
КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

XXXVI.

С

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

КНИГА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1890.

С

БУМАГИ

ФЕЛЬДМАРШАЛА

КНЯЗЯ МИХАИЛА СЕМЕНОВИЧА

ВОРОНЦОВА.



Письма князя Цицианова, переписка съ Д. В. Арсеньевымъ и
С. Н. Маринымъ. Письма А. П. Ермолова и бумаги разнаго
содержанія.

PRINTED IN RUSSIA.

24

122

П И С Ь М А
КНЯЗЯ П. Д. ЦИЦІАНОВА

К Ъ

КНЯЗЮ М. С. ВОРОНЦОВУ.

Ученикъ и сподвижникъ великаго Суворова, герой Кавказа, до сихъ поръ тамъ не забытый, человекъ высокаго сердца и развитаго образованіемъ ума, издавшій книгу объ инженерномъ искусствѣ и писавшій стихи, другъ графа Ростопчина, князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ (род. 8 Сентября 1754 † 8 Февраля 1806) былъ первымъ руководителемъ князя Воронцова на дѣятельномъ воинскомъ поприщѣ. Грузинъ происхожденіемъ, онъ предался всею душою новому своему отечеству, величіе и слава котораго были ему вполнѣ свои. Также какъ и князь Воронцовъ, онъ началъ службу въ Преображенскомъ полку. Юноша Воронцовъ, еще находясь при отцѣ своемъ въ Англіи, созрѣвая и готовясь къ дѣятельности подъ обаяніемъ подвиговъ Суворова, которые наполняли тогда весь міръ славою Русскаго имени, рвался къ бою и принялъ участіе въ первой же войнѣ, начавшейся по вступленіи его въ военную службу, т. е. въ 1803 году, въ войнѣ съ Персіею. Дядя его, государственный канцлеръ написалъ по этому случаю къ князю Циціанову слѣдующее письмо:

«Поелику нигдѣ, кромѣ края, гдѣ вы командуете, нѣтъ военныхъ дѣйствій, гдѣ бы молодому офицеру усовершенствоваться можно было въ воинскомъ искусствѣ; къ тому присовокупляя, что подъ начальствомъ вашимъ несомнительно можно болѣе въ томъ успѣть, нежели во всякомъ другомъ мѣстѣ: то по симъ самымъ уваженіямъ, какъ я, такъ и братъ мой согласились на желаніе графа Михаила Семеновича служить волонтеромъ въ корпусъ, находящемся въ Грузіи».

«На дружескій вопросъ вашего сіятельства, по гвардейскому ли чину его употреблять, имѣю вамъ отвѣтствовать съ такою же откровенностью, что чинъ его гвардейскій нимаю, кажется, не будетъ препятствовать къ употребленію его, если взять то, что онъ служить у васъ будетъ не при полку, а генерально при корпусѣ волонтеромъ; а потому отъ распо-

ряженія вашего зависть будетъ, при случаѣ, поручить ему въ команду детапаментъ, чему многіе имѣли мы примѣры и въ другихъ войнахъ. Сіе, какъ я, такъ и братъ мой, примемъ знакомъ дружбы вашей; токмо прошу васъ не иначе то учинить, какъ поколику позволяютъ вамъ нынѣшнія воинской службы постановленія».

«Въ предложеніи вашемъ отправить сюда племянника моего при радостномъ какомъ событіи вижу я охотливость вашу сдѣлать мнѣ пріятное. Благодаря васъ всемирно за оную, скажу вамъ, что какъ таковыя посылаются единственно для доставленія имъ чина, то, по сей самой причинѣ, ни я, ни братъ мой того не желаемъ: графъ Михаилъ Семеновичъ, будучи еще довольно молодъ, можетъ успѣть чины заслужить прямымъ путемъ, чѣмъ мы болѣе будемъ довольны. Къ тому же отправленіе его противно установленію фельдъегерей, для посылокъ учрежденныхъ; да и вообще мнѣ кажется, что елибы посылали офицеровъ съ радостными извѣстіями, то сіе право болѣе принадлежитъ тѣмъ, кои въ дѣлѣ отличили себя и симъ заслуживаютъ награды».

«Но всему этому остается мнѣ повторить то, что я и прежде писалъ вашему сіятельству, что онъ у насъ одинъ и что мы желаемъ, чтобъ былъ полезенъ Отечеству своему, и для того, чтобъ усовершенствовался во всемъ, къ тому относящемся. Полагаясь на дружбу вашу и будучи увѣрены, что не оставите его своими наставленіями и доставленіемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ онъ можетъ себя образовать и достигнуть цѣли нашей, мы отдали его, такъ сказать, въ полную вашу благосклонную попечительность, не сомнѣваясь нисколько, что будемъ имѣть причину быть довольными сею посылкою».

Въ предисловіи къ предъидущей книгѣ мы упомянули о томъ обаяніи, которое производилъ молодой князь Воронцовъ на свое окруженіе. Нижеслѣдующія письма свидѣтельствуютъ, что этому обаянію поддался и князь Циціановъ. (О немъ подробнѣе см. во второй книгѣ нашего сборника «Деятельный Вѣкъ»).

П. Б.

Письма князя П. Д. Циціанова къ князю (графу) М. С. Воронцову.

1.

Получ. 24 Генваря 1804.

8 Генваря, крѣпость Ганжинская.

Не можете вообразить вы, любезный графъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду о вашихъ дѣлахъ извѣстія, дрожа собственно за васъ и, спасши васъ отъ вѣрнѣйшей пули на штурмѣ могущей быть, боюсь, чтобъ тамъ васъ не нашла. На Бога во всемъ странствѣ положись, то цѣль и здоровъ будешь.

Я завтра отсель отъѣзжаю. Плѣну взято обоего пола болѣе 17 тысячъ: кусокъ благородный!—Письма вчера доставленные посылаю. Дядюшка вашъ не соглашается посылать васъ курьеромъ, твердитъ только, чтобъ васъ беречь. Кой часъ кончится дѣло, пріѣзжайте въ Тифлисъ. Я въ Имеретію, можетъ быть, пойду. А. Хр. *) мое почтеніе, а мнѣ прошу вѣрить, что душею и сердцемъ весь вамъ преданный
князь Циціановъ.

Почтенному товарищу Василию Семеновичу^x мое почтеніе прошу сказать и желаніе успѣха.

*) Т. е. А. Х. Бенкендорфу (см. книгу XXXV-ю).

2.

Получ. 23 Апрѣля 1804 въ Ваханѣ.

Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка господину поручику и дѣйствительному камергеру графу Воронцову.

Его Императорское Величество, по донесенію моему, въ воздаяніе отличной храбрости, оказанной вами при занятіи Ганжинскаго форштата и садовъ, высочайше пожаловать изволилъ вамъ орденъ св. Анны 3-го класса, который при особомъ высочайшемъ на имя ваше рескриптѣ при семъ препровождаю съ тѣмъ, чтобъ вы носили оной по установленію, оставаясь въ увѣренности, что сей знакъ монаршаго отличія послужитъ къ вящему усугубленію вашего къ службѣ Его Императорскаго Величества усердія.

«Генералъ отъ инфантеріи князь Циціановъ».

№ 891.

Селеніе Ваханъ.

Апрѣля 23 дня

1804 года.

3.

Получ. 29 Окт. 1804 въ Тифлисѣ.

28 Окт. вечеру.

Сей часъ почта принесла мнѣ радость тѣмъ, что вы кавалеромъ св. Георгія. Теперь съ вами квиты.

Письмо вашего дядюшки я прочесть не умѣлъ по обыкновенію *), кромѣ 1-го пункта, изъ котораго увидѣлъ, что вы кавалеръ, никакъ не думая, чтобъ то было 2-й Анны.—Выздоровливайте и дождитесь меня. Попразднуемъ!

Симановичъ—полковникъ, а Ливенцовъ—маіоръ.

*) Дядя князя Воронцова, тогдашній государственный канцлеръ графъ Александръ Романовичъ, писалъ крайне неразборчиво. П. Б.

4.

Получ. 30 Октября 1804 въ Тифлисѣ.

28 Окт. Анануръ.

Сей часъ, любезный графъ, читая приказы, нашелъ, что ты пожалованъ капитаномъ, съ чѣмъ и поздравляю, хотя мнѣ не того хотѣлось, въ доказательство чего прилагаю выписку о писанномъ въ реляціяхъ относительно тебя. И такъ не моя вина. Я и къ Чарторыжскому три раза о томъ же писалъ. Говорятъ, и именно Ѳедоръ Исаевичъ Ахвердовъ, что онъ слышалъ якобы о Георгіевскомъ крестѣ. Дай-то Богъ! Это поправить. Я думаю, что по твоей скромности и сокровенности *) ты скажешь, что ты и капитанскимъ чиномъ доволенъ; да я недоволенъ.

Начинщики на обманъ не даются и не идутъ на зовъ мой для объявленія постановленія о ихъ повинностяхъ. Несвѣтаетъ просить попутать, и я на сегодняшній день разрѣшеніе ему далъ. Прости. Ивану

*) Объ этой „сокровенности“ Воронцова замѣтилъ графъ Ростопчинъ въ письмѣ къ князю Циціанову отъ 20 Марта 1805 года: „Въ его лѣта скрытность въ нравѣ не можетъ быть пріобрѣтенной воспитаніемъ, а просто врожденная. Замѣть, что въ ихъ родѣ ни одного нѣтъ на распашку“.

Петровичу мой поклонъ. Дай Богъ, чтобъ къ моему
пріѣзду лихорадка прошла и ты укрѣпился, безъ чего
опасно ѣхать.

Выписано изъ реляцій о Ериванской экспедиціи.

30-го Мая. Имѣю счастье всеподданнѣйше донести, что въ
должность бригадъ-маіора при отрядѣ употребилъ я лейбъ-
гвардіи Преображенскаго полка порутчика графа Воронцова.

26-го Іюня. Отдавая справедливость точному исполненію
должностей всѣхъ бывшихъ во всѣ сіи дни сраженій, должень
по справедливости отдать вышшую N. N. N. Не могу особенно
не рекомендовать при мнѣ находящагося за бригадъ-маіора не-
смѣняющагося лейбъ-гвардіи Пр. полку порутчика графа Ворон-
цова, который, дѣятельностію своею замѣняя мою дряхлость,
большою мнѣ служитъ помощію и достоинъ быть сравненъ съ
его сверстниками господами Васильчиковыми, переименованными
изъ камергеровъ вышними противъ его чинами.

О семъ дерзаю всеподданнѣйше представлять, зная священ-
ныя правила справедливости Вашего Императорскаго Величе-
ства, по строгости коихъ служба и рвеніе сего молодого офи-
цера, обѣщающаго многое для пользы службы, заслуживаетъ
всеконечно всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величе-
ства вниманіе ко ободренію его.

1-го Іюля. Не могу не повторить о N. N., всегда впереди
находящемся и въ самой первой опасности, такъ какъ и за
бригадъ-маіора при мнѣ находящійся лейбъ - гвардіи Пр. полку
порутчикъ г. Воронцовъ.

x 12.2.26.26

Получ. 9 Ноября 1804 въ Тифлисѣ.

7 Ноября 1804. Цхинвалъ.

Луарсабъ, я думаю, тебѣ сказалъ, любезной капитанъ, что его посольство кончилось ничѣмъ, какъ я и ожидалъ, да еще по глупости Ковалева и съ большею мнѣ досадою, которой, твердя, какъ и всѣ Русскіе, что всѣ намъ невѣрны (какъ будто это неизвѣстно), вытерпѣлъ, что ему царь *) сказалъ, что мы не хуже Таулетинцевъ умѣемъ драться; а онъ послѣ этого слова не откланился и не уѣхалъ.

Состояніе мое весьма не завидное, какъ видишь и, буде съ одной стороны потухаетъ огонь, то съ другой пожаръ начинается. Дадьянова смерть меня поразившая заставляетъ меня ожидать большихъ непріятностей, особливо потому, что у Литвинова, кажется, также какъ у Ковалева, не то чтобъ лѣчить больного въ головѣ, а то, что болѣзнь-де опасна и неизлѣчима. Доказательствомъ сей мысли послужить можетъ его описаніе Имеретіи и Мингреліи, при семъ изложенное, которое ты прикажешь Чудинову у себя въ горницѣ списать на обрѣзной бумагѣ почище и ко мнѣ вмѣстѣ возвратишь. Прочти и Ивану Петровичу. Вы увидите, что онъ сердится за то, что въ дикой, такъ сказать, землѣ и между въ дикость обратившимся народомъ дорожки не сдѣланы какъ въ Англіи (des

*) Имеретинскій. П. Б.

chaussées), для чего царь и покойной Дадьянъ не пьютъ Алиатико съ Шампанскимъ и Мозель съ Зельцерской водой *). Вотъ вѣкъ письма и письмённыхъ! Всякой хочетъ въ сочинители влѣзть, наглостью или искусственно, особливо о такой землѣ, въ которую рѣдкой кто поѣдетъ повѣрять его топографическое (о коемъ онъ самъ говоритъ, что по большимъ только дорогамъ замѣчалъ) и политическое описаніе, о коемъ самъ говоритъ, что ему никто не хотѣлъ правду сказать. Я слова не говорю о томъ, что правды тутъ много; да неужто ничего хорошаго нѣтъ? Мнѣ же не землеописанія нужно было, а по требованію нашего министерства свѣдѣнія, когда пристали, отошли и когда принадлежали. Вотъ любезные помощники! Да этотъ изъ наилучшихъ.

За новость скажу, что я убить, что нашли солдата похожаго на меня и наряженнаго въ мое платье, чтобы Грузію пугать. Такъ-то Осетинцы думаютъ, и такъ ихъ легковѣріемъ играютъ здѣшніе бояре. Послалъ, чтобъ пришли посмотреть, такъ какъ Таулетинцы.

Не знаю, какъ пойду, если не послушаютъ требованія *все возвратить*, и въ счетъ не идетъ разумѣется. А вотъ что: 1) всѣ башни сломать, 2) изъ всякой деревни дать аманата съ своимъ содержаніемъ изъ лучшихъ домовъ, и за всякую проказу доказанную посылать аманатовъ въ Россію въ солдаты или на заводы. Прости, кавалеръ. Я заболтался.

Худо пишу, отъ того что при свѣчахъ и безъ очковъ. О дорогѣ Иванъ Петровичъ скажетъ.

*) Два стиха Державина. П. Б.